

Пустое место: теоретические эмуляции субъекта

Ирина Дуденкова

Доцент, кафедра социологии, факультет социальных наук,
Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН).
Адрес: 125009, Москва, Газетный пер., 3–5. E-mail: irinafiled@gmail.com.

Ключевые слова: субъект; трансцендентальная программа; критика; условие возможности; серийность; место.

Больше тридцати лет назад Жан-Люк Нанси по инициативе американских и итальянских коллег предложил нескольким французским философам поразмышлять над «постсубъект(ив)ностью» в тематическом номере журнала *Toroi*, озаглавленном «Кто идет после субъекта?». Результатом этой работы стала не столько деконструкция субъекта, сколько ее критика и, конечно, рефлексия об условиях возможности самого такого вопроса. Сам вопрос содержал в себе двусмысленность: его можно прочитать в деконструктивном духе, тогда ответами здесь выступили бы различные опции несубъективной сборки; его можно истолковать и как прогноз или даже скрытую угрозу. В любом случае вопрос «Кто идет после субъекта?» считается как имеющий отношение к будущему, приглашение к прогнозированию, открытию перспективы. Какое концептуальное движение мы совершаем, когда размышляем об «условиях возможности», то есть делаем критическое усилие в соответствии с заветами кантовской трансцендентальной программы?

«Условие возможности» представляет собой принцип серийности (можно сказать, серийности), движение поиска условий условий; таким образом, критический жест может выполняться бесконечно. Но для «условия возможности» логически возможна альтернатива, если сменить направление от поиска условий условий к возможности возможности. Помыслить «пустое место» субъекта означает такую попытку концептуальной работы не с самой категорией, а с ее концептуальным контекстом, потому что сама категория может трактоваться как присутствие. Предваряемый данной статьей номер «Логоса» представляет срез современной спекулятивной, научной, герменевтической работы ни в традиции трансцендентализма, ни подчеркнуто вне ее, а с ней. При этом часть предложенных работ посвящена классическим темам и проблемам описываемого концептуального поля (исторический субъект, способности, действие), часть — демонстрирует, как проецируются проблемы трансцендентальной традиции в политической теории, социологии, кибернетике.

СЛОЖИВШЕЕСЯ множество нарративов, связанных с историей и судьбой понятия «субъект», да и со всей трансцендентальной программой в целом, можно сравнить с успешным старым сериалом — мыльной оперой. В отличие от сериалов, состоящих из структурированных эпизодов с ограниченным в их рамках сюжетом, мыльные оперы уклонялись от акцентирования начала и конца истории. Чтобы повествование не останавливалось, в мыльной опере необходимо постоянно удерживать несколько сюжетных линий. Завязка, возникающая в определенном эпизоде, никогда не завершается в нем же. Чтобы сюжет был понятен зрителю, который пропустил несколько серий или только подключился к просмотру, выбирается дробное разделение на части и поддерживается самый медленный темп повествования. Актеры, играющие роли персонажей, по разным причинам могут заменяться. Часто используется прием «воскрешения» погибшего персонажа ради поднятия рейтинга. Но основным признаком мыльной оперы является драматический и эмоциональный характер рваной сюжетной линии, который подчеркивается всеми возможными художественными средствами. Рецепт мыльной оперы — медленное сюжетное движение и организация максимального драматического эффекта — кажется удачным описанием концептуальной истории субъекта. Попробуем прояснить эту странную аналогию.

Больше тридцати лет назад Жан-Люк Нанси по инициативе американских и итальянских коллег предложил нескольким французским философам поразмышлять над «постсубъект(ив)ностью». Блок был опубликован в английском переводе в специальном номере журнала *Toroi* «Кто идет после субъекта?»¹. Результатом стала не столько деконструкция субъекта, сколько ее критика и, конечно, рефлексия об условиях возможности самого такого вопроса. Большинство из приглашенных Нанси авторов отталкивались от описания сложившегося к середине-концу 1980-х годов интеллектуального ландшафта, в котором может быть поставлен

1. *Toroi*. 1988. Vol. 7. № 2: Who Comes After the Subject? / J.-L. Nancy (ed.). С некоторыми добавлениями и изъятиями номер вышел через год по-французски: *Cahiers Confrontation*. 1989. № 20: *Après le sujet qui vient* / J.-L. Nancy (dir.).

такой вопрос, или по разным причинам оспаривали сам вопрос, работая с предложенной Нанси формулировкой.

Сама формулировка *Après le sujet qui vient* таила в себе по крайней мере двусмысленность. Заголовок сборника можно прочитать в деконструктивном духе как вопрос «Кто приходит/придет после субъекта?». Ответами здесь выступили бы различные опции не-субъективной сборки. Но его можно истолковать и как прогноз или даже скрытую угрозу (заметим, что у Нанси нет вопросительного знака): «[То, что настанет] после субъекта, который придет/грядет». Такое прочтение уже считается (как со свершившимся фактом) с неотвратимостью прихода/пришествия/возвращения некоторого (иног?) субъекта после короткой передышки деконструктивного «бессубъектия» и пытается заглянуть в уже совсем отдаленное будущее, в контуры какой-то еще неведомой и даже пока невообразимой деконструкции-бис. Саму эту двусмысленность можно истолковать как соотнесенность с двумя временными фазами: с весьма реальной нынешней и с очень отдаленно гипотетической.

И в первом, и во втором случаях место субъекта оказывается пустым, вакантным, но по разным причинам. Первое прочтение предполагает теоретическую работу описания сценариев деконструкции трансцендентальной парадигмы, переописание локуса эго, в котором собирались и связывались разные наборы субъективных способностей: мышление, воление, желание, суждение. Второе прочтение может быть связано с поиском политического субъекта в пространстве политических сил, поиском интерпретаций, которые позволят назвать кого-то политическим субъектом, попыткой описать ситуацию после его появления.

Однако в любом случае вопрос «Кто придет после субъекта?» считается как имеющий отношение к будущему, приглашение к прогнозированию, открытию перспективы. Поэтому так соблазнительно и забавно задаваться этим вопросом в 2021-м: не только чтобы подвергнуть испытанию проницательность блистательных французских интеллектуалов, инфлюенсеров конца XX века, провести ревизию сдвигов и разрывов в системе координат, связанных с категорией субъекта, но и для того, чтобы подумать о возможностях, которые задает перспектива критики, «условия возможности». Какое концептуальное движение мы совершаем, когда размышляем об «условиях возможности», то есть делаем критическое усилие в соответствии с заветами кантианской трансцендентальной программы?

«Условие возможности» представляет собой принцип серийности (можно сказать, сериальности), в этой паре концептов он

может быть смещен к условиям, и тогда движение выглядит как поиск условий условий и так далее; таким образом, критический жест может выполняться бесконечно. С нарративной точки зрения критика и деструкция субъекта походят на приквел, предысторию, время действия и события, которые предшествуют и определяют возможность субъекта.

То есть сама серийность (сериальность) может быть дурной, написанной по рецепту мыльной оперы, где разрывы и захват интереса создаются за счет разницы между высоким драматическим накалом и низкой скоростью нарратива, или другого свойства, захватывающей за счет открытости возможности. Эту разницу можно объяснить на примере фрагмента пригласительного письма, которое Нанси разослал возможным авторам текстов сборника *Après le sujet qui vient*:

Одной из основных характеристик современной мысли является постановка под вопрос инстанции субъекта, соответственно его структуры, значения и ценности, подразумеваемой в этом термине в мысли модерна, начиная с Декарта и до Гегеля, если не до Гуссерля. Все принятые решения современной мысли — находят ли они место под знаком разрыва с метафизикой с ее плоскими вопросами или же под знаком «деконструкции» этой метафизики, под знаком переноса от мышления о Бытии к мышлению о жизни или же под знаком Другого или языка и т. д. — подвергают субъективность суду. Не так давно широко распространенный дискурс провозгласил простую ликвидацию субъекта. Однако все идет к тому, что возникла необходимость не «возвращения к субъекту» (провозглашенная теми, кто желал бы думать, будто ничего не случилось и что тут нет никакой новой проблемы для мысли, кроме, возможно, некоторых вариаций или модификаций субъекта), но, наоборот, дальнейшего движения к кому-то — еще к кому-то одному, кто бы был на своем месте (это последнее выражение взято просто для удобства: «место» не может быть тем же самым). Кто бы это мог быть? Как бы он(а) представил(а) себя? Можем ли мы поименовать его (ее)? Является ли вообще вопрос «кто?» подходящим? (Мои формулировки, кажется, предполагают, что ни одно из существующих обозначений, к примеру *Dasein* или «индивид», не подходит. Но, конечно, мои намерения заключаются в том, чтобы оставить место для любого возможного ответа.) Другими словами, если допустимо определять нечто вроде точечности (*punctuality*), сингулярности, этовости (*haecceitas*) как место эмиссии, восприятия или перехода (аффектов, или действия, или языка и т. д.), но каким образом можно его специфицировать? Или исход-

ный вопрос нуждается в переформулировке, а может быть, шире — уместно ли вообще задавать такой вопрос?²

Нанси вводит интригу потерянного главного героя, риторически создает драматическое напряжение, но следом предупреждает, что этот драматизм является искусственным и вторичным из-за господствующего философского определения субъекта, предложенного Гегелем: «то, что способно выдерживать внутри себя свое собственное противоречие». Выясняется, что потерянность главного героя нарратива является его *собственным*, что

...отчуждение или чуждость является свойственной и что субъектность (следуя в этом Хайдеггеру и отличая структуру субъекта от антропологической субъективности) заключается в возвращении и присвоении этого присущего бытия, — вот что это определение может означать³.

Логикой субъекта является грамматика разделения и заблаговременного и тотального присвоения своего внешнего, которое создается глаголом «быть». Быть, таким образом, имеет здесь функцию оператора присвоения: в действительности он обозначает «обладать», или «производить», или «понимать», или «поддерживать» и т. д. То есть градус драматического напряжения самого вопроса по большому счету можно считать риторическим и техническим приемом для создания тревожного эмоционального состояния у зрителя сериала «История понятия субъекта»; герой сериала «Трансцендентальная программа» не может потеряться, не обладает способностью уничтожаться, потому что носит ничто в себе, и в этом, собственно, секрет его успеха.

Но для практической установки или трансцендентального оператора «условие возможности» логически возможна альтернатива, если сменить направление от поиска условий условий (классический распространенный критический ход, жест редукции субъективного опыта) к возможности возможности. Это тоже сериальный принцип, принцип рассечения сюжета о субъекте, разговора *au sujet du sujet* (это не только нехитрый каламбур — нарративность или вопрос связывания опыта является важнейшим для трансцендентальной программы), но такое движение может быть не редукционистским, подчиненным условиям, а расширяющим или, говоря языком социальных сетей, расшеривающим, репостным. Наверное, можно срав-

2. Nancy J.-L. Introduction // *Topoi*. 1988. Vol. 7. № 2. P. 90.

3. Ibidem.

нить такое движение с серийностью, о которой думал в свое время Делёз, серийность понимается как пролиферация возможности, где можно смотреть следующую серию или начинать игру заново с одной и той же позиции или точки. Может быть, в таком случае получится настоящий сиквел истории субъекта? Субъект из героя вялой мыльной оперы может стать героем захватывающего интеллектуального блокбастера с непредсказуемой судьбой.

«В(место) субъекта» означает такую попытку концептуальной работы не с самой категорией, а с ее концептуальным контекстом, потому что сам герой возможного интеллектуального сиквела приглашает к этому как присутствующий.

Присутствующий — это тот, кто занимает некоторое место. Место есть *место* — местонахождение, ситуация, диспозиция — вхождения в пространство времени, в зазор, который позволяет чему-то *прийти* к присутствию, в уникальное время, которое порождает себя в данной точке пространства в качестве его зазора. (Святые места, где захватывает присутствие, места рождения, где присутствие являет себя, общие места, где места поделены, места любви, где присутствие приходит и уходит, исторические места, география присутствия и т. д.)⁴.

Свято место пусто не бывает. Допустим, трансцендентализм и концептуальные сюжеты, связанные с категорией сознания в континентальной философии, внешне перестали быть мейнстримом, уступая место подходам и идеям, по-разному смещающим фокус философского интереса на внеположное мышлению. Поиск академической и сетевой философии последние годы снова связан с вопросами онтологии и метафизики, с традициями реализма и материализма, натурфилософии, спекулятивной теологии и с такими понятиями, как объект, вещь, Абсолют, природа или реальность. Вследствие этого критического переопределения ставок, розыгрышей, приобретений, потерь трансцендентальной и, используя понятие Деррида, «квазитрансцендентальной» традиции целый ряд важных споров проходит через Канта и Гегеля, послекантовский немецкий идеализм, и основным бастионом или трофеем в этой борьбе является концептуальная модель субъективного опыта «Я». Но напрашивается вопрос: нельзя ли эти новые тенденции представить в качестве продолжения особого рода философской критики субъекта, сериального движения, под флагами которого мобилизовалась европейская философия

4. Ibid. P. 91.

XX века, то есть можно ли рассматривать это концептуальное движение как продолжение критики субъекта «другими средствами», стремящейся о нем покрепче забыть? Эту гипотезу подтверждает эмансипационный драйв оппонентов корреляционизма: почти все философы этого круга разделяют критические установки, намереваясь пересмотреть трансцендентальный разрыв в пользу вещей, животных, возможных богов и других обитателей ноуменального мира, или регулярно используют этические концепты трансцендентальной программы, например категорию автономии.

Второй важнейший вопрос, благодаря которому концептуальная модель субъективного опыта непотопляема и все еще актуальна, касается правоприменения и публичной политической практики: что значит говорить и действовать от первого лица? Исследования сложных технологических, климатических и политических событий или катастроф показывают, что не существует «одной» причины или одного агента, ответственного за событие, но пока что сообщество вынуждено выносить решения, назначая агентов и причины. Этот вопрос соотносится с задачей определения структуры индивидуальной ответственности и показывает, что проблематика философии субъективности не может в одночасье уйти на периферию философских поисков.

Третий аспект, позволяющий предположить, что интеллектуальная мода на теоретический антигуманизм не будет долгосрочной, связан с политическим измерением человеческой способности воления, одним из возможных и самых влиятельных определений власти как могущества. Перечисленные три момента создают поле исследовательского интереса, на котором можно делать новые ставки и выполнять теоретические движения. Однако на русском языке очень мало полных и содержательных работ по современному состоянию концепции субъекта действия. Предложенная серия текстов может отчасти восполнить этот пробел. Пустое место субъекта — это не только парадигмальный способ его конституирования через негативность, операцию отрицания, в результате которой, по выражению Жижека, субъективная модель опыта представляет собой «дырку от бублика»⁵, но в том числе и способ присутствия/отсутствия этого понятия в качестве инструмента современной философской и интеллектуальной работы.

Цель этой серии статей — не занять какую-либо сторону противостояния критиков и защитников программы трансцендента-

5. Жижек С. Щекотливый субъект. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.

лизма или корреляционизма, как теперь принято говорить, из числа феноменологов, философов аналитической традиции, а предложить возможный набор оригинальных концептуальных решений по ту сторону этого приторного противостояния. Номер представляет срез современной спекулятивной, научной, герменевтической работы не в традиции трансцендентализма и не подчеркнуто *вне ее*, но с ней. Такой подход может объяснить, по какому принципу отобраны темы и тексты авторов и почему в журнале не оказалось признанных специалистов по этой проблематике или, например, политических активистов, которые тоже в некотором роде являются специалистами по теории субъективности. Важно, что согласившиеся участвовать в этом номере авторы умеют дистанцироваться от политического вызова, который заключен в самой трансцендентальной программе, удержаться от того, чтобы с энтузиазмом снова вступить в борьбу, которую Декомб называет «распря о субъекте»⁶. При этом часть предложенных работ посвящена классическим темам и проблемам описываемого концептуального поля (исторический субъект, способности, действие), часть — демонстрирует, как проецируются проблемы трансцендентальной традиции в политической теории, социологии, кибернетике. Маркером погруженности всех текстов в одно концептуальное поле является их непреднамеренная переключка поверх тех условных рубрик, в которые они могут быть записаны, или же параллельное движение в этом теоретическом пространстве. Таким образом пересекаются работы Михаила Маяцкого и Виктории Файбышенко, Дениса Сивкова и Ирины Дуденковой, в текстах Дмитрия Кралечкина и Ирины Дуденковой осуществляется параллельное движение. В тексте Кралечкина через метафоры леса и лабиринта предлагается альтернатива классической конструкции субъекта как «аутентичного транспорта», аппарата связывания движений и действий. Мысленные эксперименты Торо и лабиринт можно понимать в качестве таких конструкций, которые меняют, искажают или же, наоборот, оптимизируют распределения в общем пространстве движений и действий. В работе доказывается, что обобщение понятия «действие» в контексте акторно-сетевой теории означает деволуцию: сами критерии действия понижаются, опускаются на несколько уровней, но это в то же время позволяет поднять ранг и статус движений. Виктор Вахштайн выступает в уже не новом для себя амплу философствующего социолога (социологизирующего фи-

6. Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от первого лица. М.: НЛО, 2011.

лософа?) и пробует определиться с эпистемологическим и онтологическим статусами процедуры подозрения в его параноидальном и шизоидном вариантах: подозрение мотивов и подозрение мира.

Блок русскоязычных текстов дополнен несколькими переводами, которые представляют принципиально важные проекты последнего времени, связанные с исследованием концептуальных ресурсов трансцендентальной программы. Речь идет о грандиозном много-томном труде «Археология субъекта» в духе археологии знания, который взял на себя крупнейший французский медиевист Ален де Либера, и о сборнике эссе Этьена Балибара «Гражданин субъект». Работа де Либера представлена его выступлением в *Radical philosophy*, в котором он поясняет, что значит его намерение «как можно сильнее теологизировать понятие субъекта», и показывает место своей работы в общей намеченной им рамке трансдисциплинарности. Из отличных эссе Балибара, ученика Альтюссера, одного из самых ярких интерпретаторов политической субъектности в XX веке, выбраны его размышления об историческом субъекте у Льва Толстого, необычные не только своим отходом от стереотипных трактовок хорошо известных сюжетов и фигур мысли Толстого, но и тем, что эти размышления удивительным образом (но не таким уж и удивительным, если вспомнить о судьбе трансцендентальной программы в отечественной философской традиции) иллюстрируют его, Балибара, собственную материалистическую спинозистскую концепцию субъекта. Мы помещаем также перевод одной из поздних работ Франсуа Лиотара, связанной с проблематикой номера, которая существенно дополняет образ его философского творчества. С помощью концептуальных инструментов «Критики способности суждения» Канта Лиотар пытается одновременно справиться с тремя ключевыми для трансцендентальной программы вопросами: онтологического статуса другого, смысла сообщения и разрыва между регионами фактического и нормативного.

Все тексты на русском языке написаны специально для этого тематического номера, который, как мне кажется, может служить не просто введением в проблемное поле, но определенным вкладом в понимание (пост)субъект(ив)ности.

Библиография

- Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от первого лица. М.: НЛО, 2011.
- Жижек С. Щекотливый субъект. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.
- Cahiers Confrontation. 1989. № 20: Après le sujet qui vient / J.-L. Nancy (dir.).
- Topoi. 1988. Vol. 7. № 2: Who Comes After the Subject? / J.-L. Nancy (ed.).

AN UNOCCUPIED PLACE: THEORETICAL EMULATIONS OF THE SUBJECT

IRINA DUDENKOVA. Associated Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, irinafiled@gmail.com.
Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES), 3–5 Gazetny Lane, 125009 Moscow, Russia.

Keywords: subject; transcendental program; criticism; condition of possibility; seriality; place.

More than thirty years ago, Jean-Luc Nancy was urged by his American and Italian colleagues to invite several French philosophers to address “post-subjectivity” in a special issue of the journal *Topoi* entitled “Who comes after the subject?” What Nancy’s colleagues provided was not in the end so much a deconstruction of the subject, but more a critique and, of course, a reflection on the conditions that make the question itself possible. The question as stated was ambiguous: it could be read in the spirit of deconstruction, and the answers made to it would then be various options for a non-subjective reconfiguration; or it could be interpreted as a forecast or even a hidden threat. In any case, “Who comes after the subject?” is to be read as relevant to the future, an invitation to prognosticate and an opening up of perspective. What conceptual movement are we making when we think about “conditions of possibility,” that is, when we produce a critique in accordance with the precepts of the Kantian transcendental method?

The “condition of possibility” is a principle of seriality, a movement in search of the conditions of conditions; hence, the critical maneuver can be performed indefinitely. But there is a logically possible alternative to a “condition of possibility” if we change the terms of the search from conditions of conditions to the possibility of possibility. To think of the “unoccupied place” of a subject means that the attempt is not working with the category itself, but instead with its conceptual context because the category itself can be interpreted as a presence. The thinking in the issue of *Logos* introduced by this article represents a slice of modern speculative, theoretical, hermeneutic work neither in the tradition of transcendentalism nor explicitly outside it, but alongside it. At the same time, some of the efforts being proposed are devoted to classical topics and problems of the conceptual field in question (the historical subject, capabilities, action), and some others demonstrate how the problems of the transcendental tradition are projected onto political theory, sociology and cybernetics.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-3-39-47

References

- Cahiers Confrontation*, 1989, no. 20: Après le sujet qui vient (dir. J.-L. Nancy).
Descombes V. *Dopolnenie k sub'ektu. Issledovanie fenomena deistviia ot pervogo litsa* [Le complément de sujet. Enquête sur le fait d'agir de soi-même], Moscow, New Literary Observer, 2011.
Topoi, 1988, vol. 7, no. 2: Who Comes After the Subject? (ed. J.-L. Nancy).
Žižek S. *Shchekotlivyi sub'ekt* [The Ticklish Subject], Moscow, Delo, 2014.